

ВПЕРЕДИ ВЕЧНОСТЬ
ТОМ 2

Правильная сказка

**Александр
Бачило**

Впереди вечность

Александр Бачило

Правильная сказка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бачило А. Г.

Правильная сказка / А. Г. Бачило — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Впереди вечность)

Второй том из серии «Впереди вечность» классика современной фантастики Александра Бачило называется «Правильная сказка». И это неспроста. Фантастика, даже научная, всегда очень тесно соседствует со сказкой. Есть что-то объединяющее у этих двух направлений. Ещё Стругацкие пытались активно работать на подобном стыке. Но Александру Бачило удалось не просто показать общие черты. Он открыл другую сторону сказочной фантастики или фантастической сказки. А ещё, он открыл новое место совместного сосуществования этих двух реальностей — уникальный, и ни на что другое не похожий Академонгородок. Он может быть мирным и вполне обычным на первый взгляд. Немножко чудным и не таким уж простоватым, если присмотреться внимательней. И совершенно мистико-колдовским, если зайти в него подальше. Так что будьте осторожны. Помните, что даже фантастический сказки с научным уклоном вполне могут оказаться очень даже и страшными...

© Бачило А. Г.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Остров	5
Волшебник	11
Складишок	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Бачило

Правильная сказка

Остров

(из цикла «Академонгородок»)

14 мая. Меня зовут Андрей Фетисов, мне двадцать пять лет. Я никогда раньше не вел дневник, считал все эти дневники пустой девичьей забавой. Да и записывать, по большому счету, нечего было. Пятнадцать лет учебы, пять – работы. Дни, одинаковые, как ножки микросхемы... Кстати, до сегодняшнего дня я был инженером – электронщиком. Но сегодня произошло главное событие в моей жизни. Я получил повестку.

Наконец-то! Сколько пришлось за ней побегать, сколько сочинить всяких бумаг, сколько раз с мольбой заглянуть в глаза разной бюрократической сволочи. Я же знаю, что люди там нужны, а они мне – заявок нет! Заявок нет, а сердце-то человеческое есть у вас? Как вы сами можете сидеть по кабинетикам, когда каждый честный человек рвется душой туда, где всем нам быть надлежит!

Спасибо Першаку. С его специальностью он нигде отказа не знает, вот и замолвил словечко. Мама, узнав про повестку, ахнула, но постаралась взять себя в руки. После только украдкой всплакнула – по глазам видно. Отец вышел из комнаты в кителе, все ордена зачем-то надел. Это у него еще за Посещение. Полный кавалер.

– Ну гляди там, – сказал глухо. – Не осрами фамилию...

И обнял.

Я, чуть не приплясывая, побежал к себе собирать вещички. Уж вы не извольте беспокоиться, товарищ полковник! Фетисов-младший, он хоть и младший, а Фетисов! Быстро скинул в чемоданчик трусы, носки да бумаги – всех-то сборов. И того не нужно – там казенное дадут. Напоследок решил в комнате порядок навести. Поднакопилось бардака за этот месяц, сразу видно – мятущаяся душа обитает, ногам покоя не дает. Разгреб, как мог, завалы, книжки по полкам расставил, кожух на комп прикрутил в кои-то веки, чертежи и распечатки сложил стопкой. Можно было и выбросить, да пусть уж лежат. Планарные нано-технологии. Шестеренки толщиной в молекулу, кривошипно-шатунный механизм на кремниевой пленке. Когда-нибудь из таких деталей можно будет делать нано-роботов, маленьких, как вирусы, и также быстро плодящихся. Они смогут очищать воздух, обогащать руду, строить что-нибудь гигантское, готовить пищу и даже следить за здоровьем человека. Для этого им не нужно быть слишком сложными, главное, чтобы их было много. Страшно много. И чтобы каждый четко выполнял свою функцию хотя бы один раз...

Да, занятно. Перспективно. Но не время. Вот закончим главное – тогда, может быть, грядущие поколения, от нечего делать, доведут до конца сей скорбный труд!

Тут в комнату вошла Галя. Я и не слышал ее звонка, распевал во всю глотку «Нас не догонят!». Она, конечно, сразу все поняла.

– Едешь?

– Еду.

Я бросил распечатки на стол, но тут же пожалел – стало некуда девать руки. Почему-то я чувствовал себя виноватым.

– Вот, берут водителем БелАЗа...

– Рад?

– А ты как думаешь? Конечно, рад!

Галя подошла к столу, задумчиво провела пальцем по мохнатой от пыли поверхности.

– А собирались пожениться...

Я вздохнул.

– Ты же знаешь, я тебя люблю. На смерть бы за тебя пошел. Seriously. Но сейчас – другое. Нужно идти за всех людей на Земле, понимаешь? В том числе и за нас с тобой! Да что я тебе объясняю!

Галя подошла к окну, долго смотрела во двор.

– Вот как ты решил...

– А ты бы на моем месте как решила?

Она не ответила.

– Знаешь, Галка, по-моему мы раньше неправильно жили. Ты, я, ребята – все мы. Тусовались вместе, а жили – каждый для себя. Карьера, бабки, тачки, шмотки... А вот теперь, когда вся эта ерунда отошла на второй план, стало ясно: со своим маленьким счастьем можно погодить.

Она повернулась и внимательно посмотрела на меня.

– Есть главное, – сказал я, – и за это главное я буду биться!

И вдруг она улыбнулась.

– Да я ведь и не спорю, глупый! Конечно, ты прав!

В прихожей зазвонил телефон.

– Андрея? – спросила мама. – Да, сейчас. Андрюша! Тебя!

Таким обыкновенным голосом. Будто все у нас по-прежнему...

– Кажется, это Першак, – прошептала она, отдавая мне трубку.

– Ну что, получил? – деловито спросил Першак. – Собираешь манатки?

– Так точно! – радостно проорал я. – Спасибо тебе, Иннокентий!

Вот ведь имечко у человека! Кешей звать неудобно, он все-таки лет на десять меня старше, а по имени-отчеству – запаadlo. Мы с ним давно на «ты».

– Ладно. Благодарить будешь на верхотуре, – прорычал Першак. – Ну-ка скажи мне номер путевки. Хочу тебя к себе в экипаж взять...

– А разрешат?! – я прямо задохнулся от восторга.

– Чтоб это был последний вопрос не в тему! Ясно, товарищ водитель? Повторите!

– Есть – последний вопрос не в тему! – гаркнул я.

Что ни говори, а хорошо быть специалистом-растворщиком, как Першак. Ни в чем ему отказа нет, потому что его по разнарядке берут и сразу – в бригады!

15 мая. Перечитал дневник. Красиво выходит! Литературно, с диалогами и отступлениями. А то обычно в дневниках пишут черти-что: «Пришел Вася. Пили водку». Эх! Может, писательский талант пропадает... Но хватит ныть. И без того сегодня сплошные слезы, а проще говоря – проводы.

С утра собрались у нас, посидели, выпили, послушали першаковские байки про Посещение. Они с отцом даже заспорили один раз. Ну как же! Оба – ветераны! Мама, конечно, плакала, уже не скрываясь. Отец хмурился, но виду не подавал, хотя ясно было, что ему тоже не по себе. Першак мне сказал по секрету, что отец и сам подавал заявление, но его, конечно, не взяли. Куда с такими легкими в тамошние условия! А вот Галка удивила. Сидит, улыбается, поддакивает кешкиным историям. Утешилась уже! Ну и пожалуйста! Хотел в последний раз поговорить по душам – и передумал. Уеду гордый. Да и не стоит мне сейчас душевные разговоры затевать, от всех этих напутственных слов сам уже расчувствовался, как дитё.

Слава Богу, под окнами посигналила машина, и Першак сказал, что пора. Надел я куртку, взял свой чемоданчик, родителей поцеловал, а на Галку, как бы в забывчивости, и внимания не обращаю. Смотрю, она тоже одевается, из-под вешалки берет какой-то рюкзачок на плечо.

– Ты что это, – спрашиваю, – в общагу? Оставайся, пообедаешь с родителями.

– Нет, – говорит, – я с вами в аэропорт.

Этого мне еще не хватало! Устраивать там при ребятах слезные прощания!

Першака спрашиваю:

– В машине, наверное, и места нет?

– Строго по количеству путевок, – отвечает.

– Ну, вот видишь, – говорю Галке. – Строго по количеству. Поэтому ничего не получится.

Смеется.

– Как раз поэтому-то и получится!

И тут до меня дошло.

– Галка! – ору, – ты с путевкой?!

Она гордо разворачивает бумагу и мне протягивает.

– Вакуумщица-кислородница шестого разряда!

Першак хохочет:

– Да точно, точно! Я постановление видел!

Тут я обо всех своих горестях и думать забыл. Схватил Галку в охапку и – вниз. Вместе! Вместе! Вот ведь, молодец какая, умница-девка! Только когда машина тронулась, оглянулся. Смотрю – мама стоит у подъезда, машет...

16 мая. Остров. Еще на подлете я увидел это. Караваны судов, доставляющие на остров породу, раствор и технику. Они тянулись к побережью, как нити паутины – со всех концов света и упирались в узкую кромку земли под стеной. Стена казалась бесконечной, уходящей вверх за облака, влево и вправо – до горизонта. Но это лишь оттого, что остров очень велик, размером с порядочный материк. И вовсе не стена это, а подножие шпиля, на который нам предстоит взобраться и поднять свою двухсотпятидесятитонную кроху. Отсюда я еще не видел узенькой полоски серпантина, опоясывающего шпиль, но я знал – она там, и по ней, ревя и отрывая черным дымом, идут, один за другим, БелАзы и Катерпиллеры, груженные термобетоном.

Вечером мы собрались на первый инструктаж в огромном, как город, зале Отдела Кадров. Сколько же здесь народу! Головы, головы колышутся, как море, и все глаза смотрят в одну сторону, на экран-инструктор. Первый инструктаж был и последним. Завтра все это море людей рассядется по грузовикам и двинется в рейс. А кто уже и сегодня – поток техники к вершине не останавливается ни на секунду.

Безграничное влияние Першака продолжает действовать и на Острове – Галку легко определили в наш экипаж кислородницей. Я этому, конечно, безумно рад, хотя нет-нет, да и шевельнется холодный червячок в сердце. Не на прогулку ведь идем. Каково будет смотреть на смерть самого близкого человека?

Вторым водителем к нам назначили рыжего немца Ахима. Хороший парень по-моему, приехал из Дрездена еще неделю назад, да простудился, слег, отстал от своих. По-русски говорит примерно так же, как я по-немецки, больше на пальцах объясняемся. Ладно, лишь бы дело знал. Вот и все. Сейчас ужинать и спать, а завтра – в рейс.

17 мая. 12:00. Первые шесть часов подъема прошли нормально, на трех тысячах высоты мы включили кислородную подпитку двигателя, захлопнули стекла шлемов. Галка молодец, техника работает, как часы, дышится легко, только очень устаешь. Машины идут друг за другом почти вплотную, капот к кузову, дорога узкая, ограждения никакого нет, и это нервирует.

Почему нельзя было сделать хоть какой-то бортик, чтоб не следить постоянно, не слишком ли близко к обрыву колесо. А встречной полосы здесь нет. Да она и не нужна. Я свои шесть часов оттрубил, уступил место Ахиму. Менялись на ходу. Сейчас допишу – и на полку. Надо поспать. Через шесть часов опять за баранку...

12:20. Хрен-то тут поспишь! Чуть прикрыл глаза – ЧП! Впереди загорелась машина. Не самая к нам ближняя, а через три-четыре. Кислородный баллон на крыше дал течь. Даже в разреженном воздухе было слышно, как что-то хлопнуло, в небо ударила струя пламени. Я слетел с полки и вцепился в плечо Першака. Перекинется огонь на соседние машины – и всем кранты. Будем рваться, как гирлянда хлопушек.

– Бедные, – прошептала Галя. – Масло из фильтров протекло. Дрянь эти баллоны, говорила я!

Горящий грузовик вдруг резко вильнул, правые колеса на секунду повисли в воздухе, а затем трехсоттонный БелАз тяжело кувырнулся в пропасть.

– Молодец, парень, – сказал Першак. – Не растерялся.

Я промолчал. Теперь мне было понятно, почему на этой дороге нет ограждения...

17 мая. 22:00. Спать не могу. Смотреть на дорогу – тоже. В пропасть – тем более. Буду записывать. Раз решил, нужно довести до конца.

Когда началась моя смена, Першак и Галя дремали. Ахим залез на полку и сразу захрапел. Я почувствовал, что бодрости во мне никакой, как бы не закемарить за компанию.

– Ты чем занимался до Посещения? – тут же спросил Першак.

Оказывается, он не спал. Молодец, выполняет инструкцию – развлекать водителя разговорами.

– Да тем же, чем и после, – ответил я. – Нанороботами.

– А чего бросил?

– Так ведь после Посещения многие свои дела побросали. Когда поймешь, что в жизни главное, трудно продолжать заниматься ерундой.

– А удивительно, правда? – Першак заерзал на сидении, придвигаясь. – Если бы не прилетели эти ходячие мозги, Благодетели наши, у нас до сих пор не было бы никакого Острова. И Шпиля не было бы. Страшно подумать! И ведь никаких особых знаний, никаких новых технологий, кроме, разве что, термобетона, они нам не оставили, а как все круто изменилось!

– Да при чем тут технологии и термобетон?! – встряла проснувшаяся Галка, – Они глаза нам открыли! Сколько веков, тысячелетий, миллионов лет люди мучились вопросом, в чем смысл жизни. А они раз – и ответили!

– Да я разве спорю? – Першак покивал. – Я только удивляюсь, как это они ответили с первой попытки – и сразу правильно. Будто сами его и придумали – смысл...

Сзади вдруг послышались беспокойные вопли клаксона. К первому присоединился второй, третий, что-то случилось там, позади. Я глянул в зеркало и обомлел. Кой черт позади! Это у нас!

– Возгорание на крыше! – рявкнул я.

– Масло! – ахнула Галка. – Сиди! – она отпихнула рванувшегося было к люку Першака. – Это моя работа!

В мгновение ока она выбралась на крышу. Я видел в зеркале ее скафандр среди пламени. Горел маслопровод резервного баллона. Галя, не обращая внимания на огонь, вынула из кармана ключ и принялась скручивать входную втулку. Что она делает?! Ее же обдаст из трубы, как из огнемета!

– За дорогой следи! – гаркнул Першак. – Если рванет, ты должен успеть!

Задние машины замедляли ход. Расстояние между нами понемногу увеличивалось. Я тоже вынужден был притормаживать, чтобы дать возможность передним уйти подальше. На крыше горело так, что ничего нельзя было разобрать. И вдруг я увидел Галю. Она поднялась во весь рост, как ребенка прижимая к груди горящий резервный баллон. Скафандр ее дымился, он был весь в дырах и потеках стекловолокна. Стекло шлема провалилось внутрь, но лица не было видно, там пузырилось что-то черное. Я понял, что сейчас произойдет.

– Галя! Не надо!

Баллон взорвался через секунду после того, как она прыгнула. Я увидел факел, летящий в пропасть, и уткнулся лицом в руль. Чертовы слезы! Не вовремя как!

– Эх, Галка, Галка... – вздохнул Першак.

– Крышу проверь! – кое-как проморгавшись, я выправил руль и снова глянул в зеркало. Крыша дымилась, но огня видно не было.

С полки свесилась голова Ахима.

– Вас ист лос?! – испуганно спросил немец.

– Порядок! – Першак закрыл люк. – Сбили пламя. Баллон держит, до верха хватит. – Спи, спи давай! – сказал он Ахиму. – Через полчаса подниму!

Полчаса я вел машину, стараясь не думать ни о чем, кроме дистанции да зазоров слева, от стены и справа – от пропасти, тупо смотрел на габаритки впереди идущего «Катерпиллера», притормаживал и подгазовывал вслед за ним, повторяя про себя: «Все в порядке, все в порядке, все идет по плану».

Теперь за рулем сидит Ахим, Першак рассказывает ему что-то о похождениях своей молодости. Немец качает головой и удивляется. А я лежу на полке и записываю все, что с нами произошло. Для чего? Не знаю. Просто не могу спать.

18 апреля. Вершина. Ну вот мы и на месте. Последние километры подъема дались особенно нелегко. Кислорода хватило под завязку, пришлось даже отдать часть дыхательного запаса. Все-таки резервный баллон ставят неспроста. Но все, в конце концов, обошлось. Дорога кончилась, и мы выехали на ровный, как стол, срез строящегося шпиля. Грузовики, разъезжаясь влево и вправо, ухордили вдаль, чтобы занять места согласно инженерному плану. Першак развернул карту и показывал мне, куда ехать. Через полчаса мы увидели впереди плотный строй грузовиков, словно притертых друг к другу.

– Вот оно, наше место!

Я подрулил к строю и также плотно вклинился в просвет между двумя машинами. Сзади нас сразу же подперли грузовики, шедшие за нами.

Першак разбил кулаком стекло на передней панели и дернул рычаг активатора. В кузове сразу заворчала, заворчалась тяжелая масса. Термобетон начал свою работу. Не нужно было даже поднимать кузов. Через пару часов кипящая масса расплавит грузовик вместе со всем содержимым, а потом застынет идеально ровной поверхностью, готовой принять новый слой машин. Так строится шпиль, и этому строительству мы с радостью отдаем свои жизни. Осталось только немного подождать...

– Нанороботы, это ведь маленькие такие механизмики? – спросил вдруг Першак. – Размером с молекулу, да?

– Ну, в общем, где-то так, – мне не хотелось разговаривать сейчас.

– А кто их придумал? Благодетели?

– Нет. Их изобрели еще до Посещения. Правда, больше в теории.

Першак покачал головой.

– Велосипед вы изобрели, вот что я тебе скажу! Любой сперматозоид – готовый наноробот, да еще и с пропеллером!

– Ну и что? – я зевнул. – Ахим, ты куда?

– Ахо! Комараден! – заорал вдруг немец и полез в окошко знакомиться с соседями.

Вот правильный мужик! Не желает тратить последние часы жизни на пустые разговоры. Многие экипажи вылезли на крыши своих грузовиков и пошли куда-то, прыгая с кабины на кабину.

– Пойдем, разомнемся, – предложил я.

– Да погоди ты, послушай! – Першак дернул меня за рукав. – Живые клетки – это микромеханизмы, согласен?

– Ну.

– Они составляют один большой механизм – наше тело. Но мы-то тоже не венец творения! Мы такие же нанороботы, предназначенные для выполнения коллективной задачи.

Я рассмеялся.

– Хороший ты мужик, Першак! Но необразованный. И в нанороботах не рубишь ни фига. Запомни раз и навсегда, тем более, что забыть ты уже не успеешь: роботы делают только то, на что их запрограммировали. А человек свободен в своих желаниях. В том и величие человека, что он знает, для чего все делается!

Я вылез на крышу кабины и огляделся. Земли отсюда не было видно, зато какие звезды! И Луна висела в небе огромным раскрашенным плафоном. Вдалеке собралась кучка людей. Все смотрели на Луну и тихо о чем-то толковали. Бухая сапогами по крышам, я пошел к ним. Меня переполняло счастье. Я выполнил свою задачу на пути к нашей общей, большой цели. И Галя выполнила, и Ахим. И Першак, хоть и ворчит по привычке, но на самом деле все прекрасно понимает.

Каждому ребенку известна и понятна наша цель. Мы построим шпиль до Луны, разрежем ее на дольки, как торт, спустим их на Землю и установим вдоль экватора. Вот тебе и шестеренка!

Волшебник

Витя Свешников принадлежал к той категории людей, которые с детства слывут рохлями и чей богатый внутренний мир долго остается никем не оцененным и никому не нужным. Любимое развлечение этих достойных последователей знаменитого Иа-Иа – бесцельно бродить по улицам, горько усмехаясь своим мыслям и бросая по сторонам тоскливые взгляды.

Именно этим и занимался Свешников в тот новогодний вечер, прогуливаясь вдоль шеренги общежитий университета, охваченных веселой праздничной лихорадкой. Мимо него сновали тяжело нагруженные снедью молодые люди и улыбающиеся девушки, из-под шубок которых выглядывали воланы карнавальных нарядов. Снег торжественно поскрипывал под их каблучками. Молодой, покрытый изморозью месяц с интересом глядел на росшую у дороги стройную елочку, которую кто-то украсил игрушками и серебряным дождем. Все веселились, все нескончаемым потоком шли друг к другу в гости, и только Свешников не был никуда приглашен.

Его внимание привлек стеклянный зал на первом этаже одного из общежитий, где заканчивались последние приготовления к балу. Вспыхивали и гасли разноцветные прожектора, веселые огоньки гонялись друг за другом по ветвям елки. Сцена была заполнена инструментами и микрофонами, в глубине ее поблескивала ударная установка, напоминающая никелированный кофейный сервиз на двенадцать персон. Лохматый барабанщик задумчиво выступивал какой-то сложный ритм, других музыкантов еще не было.

«Конечно, – подумал Витя, – сейчас они замечательно повеселятся. Своей компанией. А такие, как я, им не нужны. Таких, как я, велено не пускать».

И он с тоской посмотрел на гранитные фигуры оперотрядовцев за стеклянными дверями общежития. Зал между тем постепенно наполнялся народом. Витя обратил внимание на красивую девушку, появившуюся из-за кулис. Она спросила что-то у лохматого ударника. Тот, не переставая постукивать, отрицательно тряхнул кудрями. Тогда девушка спустилась со сцены и направилась к выходу из зала. Свешников проводил ее печальным взглядом. «Вот ведь что делается!» – вскричал он мысленно и, засунув руки в карманы, принялся расхаживать туда-сюда вдоль стены общежития. Он теперь упивался страданием, размышляя о том, что эта прекрасная девушка, мелькнувшая «среди шумного бала», никогда не узнает о его, Свешникова, бренном существовании. Полный сарказма монолог, произносимый Витей в свой адрес, был неожиданно прерван: дверь, ведущая в холл общежития, открылась, и на крыльцо вышла та самая девушка, которая поразила его воображение. Придерживая накиннутую на плечи шубку, она озабоченно озиралась по сторонам, как будто ждала с нетерпением чьего-то прихода. Впоследствии Свешников никак не мог объяснить себе, что толкнуло его в тот момент к крыльцу. Он никогда не решился бы на такое, находясь в здравом уме и твердой памяти, но факт остается фактом – Витя подошел к девушке и сказал:

– Вы, наверное, меня ждете? – Тогда только ужас положения дошел до него, и чудом поборов в себе непреодолимое желание убежать, Витя со страхом ждал реакции девушки на эту избитую, пошлую, просто-таки неприличную фразу. Но она не обиделась и даже не удивилась.

– А-а, вот и вы! – сказала она Свешникову. – Идемте скорее!

Не успев еще толком осознать, что его с кем-то явно перепутали, Витя оказался в холле. Гранитные оперотрядовцы почтительно поздоровались с ним. В этот момент из зала появился бородатый субъект во фраке:

– Марина, ну что, приехал? – закричал он.

Девушка с улыбкой указала на Свешникова.

– Ага, замечательно! – воскликнул бородатый, подлетая к Вите и трясая его руку. – Семен, если не ошибаюсь? А я – Лёня. У нас все готово, твои вещи привезли еще утром, они в комнате у Турбинера, Марина покажет. Мы выделили тебе восемь женщин, хватит?

Свешников сдержанно кивнул.

– Не волнуйся, – продолжал Лёня, – все будет в лучшем виде, свечи, звезды... Тумана не надо?

– Нет, – ответил Витя.

Тумана и так было достаточно, и он очень хотел бы хоть немного прояснить положение.

– Тогда я запускаю представление, а ты иди переодевайся. Марина, проводи товарища и пулей назад!

В коридоре третьего этажа Свешникова ожидал новый сюрприз: он увидел группу девушек в восточных нарядах, созданных в основном из газовых тканей при похвальной экономии материала. Девушки плавно двигались в танце, держа в руках незажженные свечи.

– Здравствуйте, – сказал Витя и осторожно пересчитал танцовщиц.

Их было восемь.

– Здравствуйте, маэстро! – ответили ему.

Марина открыла дверь одной из комнат.

– Вот здесь весь реквизит, – сказала она, – переодевайтесь, готовьте аппаратуру, перед вашим выходом мы пригласим людей.

Витя вошел в комнату, и дверь за ним закрылась. В коридоре послышался тихий голос: «И-и раз, два, три, четыре, повернулись...» Девушки продолжали репетировать. Свешников огляделся. Это была обычная комната общежития, с тремя кроватями, с плакатами на стенах и учебниками на полках. Посреди комнаты стоял черный шкаф, или, вернее, сундук, поставленный на бок. Он был оклеен большими серебряными звездами. Рядом на стуле лежал такой же расцветки плащ и роскошная чалма, украшенная жемчугом и крупными, правда, сильно исцарапанными, бриллиантами. Все это окончательно прояснило ситуацию. Тот Семен, за которого выдавал себя Свешников, был, без сомнения, самодеятельным фокусником-иллюзионистом.

Надо бежать, другого выхода нет, решил Витя. Он думал теперь только о том, как без шума выпутаться из этой истории. Для его бедной событиями жизни сегодняшнее приключение и так было слишком головокружительным. Но как бежать, когда за дверью его поджидают восемь девушек, весьма заинтересованных личностью «маэстро»? Можно, конечно, выйти в коридор, пробормотать что-нибудь вроде: «Вот что я еще забыл сказать!» – и с озабоченным видом направиться в сторону лестничной площадки. Да, но как объяснить то, что он, проторчав десять минут в комнате, так и не успел снять пальто? Это может вызвать подозрения. Кошмар! Взгляд Вити упал на расшитый звездами плащ. Хм! Это, пожалуй, идея... Взяв плащ, он подошел к зеркалу и набросил черную со звездами ткань поверх пальто. Прекрасно! Совершенно ничего не заметно! Витя засунул шапку за пазуху и вдруг увидел лежащую на кровати бархатную полумаску. Ага, это тоже кстати. Если меня еще не успели как следует рассмотреть, не стоит предоставлять им такой возможности... Пожалуй, и чалму стоит натянуть для полноты картины. Положу потом все это в коридоре на подоконнике – найдут.

Надев маску, Свешников взял со стула чалму и осторожно водрузил ее на голову. Вдруг что-то кольнуло его в затылок. Витя испуганно замер, чувствуя, как стремительная холодная волна пробежала по всему телу. Радужные пятна заметались по комнате, предметы покрылись сверкающей паутиной, раздались приглушенные звуки чьих-то далеких шагов, сотни голосов, смех и шепот. Свешников вдруг ясно услышал дыхание человека, спящего в соседней комнате у противоположной стены. Через секунду все это прошло, но осталось странное ощущение, будто тело переполнено неведомой энергией. Витя встряхнулся, и с кончиков пальцев посыпались ослепительные искры. Он испуганно взглянул на дверь, и она, с треском сорвавшись с петель, вылетела в коридор. В дверном проеме показались удивленные головы.

- В чем дело, что случилось? – спрашивали они.
- И-извините, – сказал Витя дрожащим голосом, – техническая неувязка.
- В комнату вошли трое ребят в униформе.
- Мы, собственно, за тобой. Ты как, готов?
- Да-да, конечно, – выдавил Витя.

Он вышел в коридор и склонился над поверженной дверью. К его изумлению, она совершенно не пострадала, хотя должна была открываться внутрь. – Чисто сработано, – сказал за спиной один из униформистов. Навесив дверь, они подхватили оклеенный звездами ящик и отправились в зал. Спускаясь по лестнице, Свешников с тревогой прислушался к себе, чувствуя, что в любой момент может снова произойти нечто невероятное. Постепенно, однако, он успокаивался, привыкая к новым ощущениям и понимая, что обладает какой-то таинственной силой, пользоваться которой надо очень осторожно. Как бы доказывая себе это утверждение, он спокойно зажег взглядом перегоревшую лампочку на площадке второго этажа. Спустившись в холл, Витя проследовал вслед за ребятами, тащившими ящик, по длинному коридору и наконец оказался за кулисами. К ним подскочил бородатый Лёня.

- Задерживаетесь, мужики! Петряков уже заканчивает. Сейчас объявляем тебя...

Со сцены доносились задумчивые саксофонные трели. Один из униформистов подошел к Лёне и стал говорить ему что-то на ухо, оглядываясь время от времени на Свешникова. Сквозь саксофон пробивались обрывки фраз:

- ...Шарахнуло... Напрочь... Хотя бы щепочка!.. Чисто сработано...

Лёня, удивляясь, кивал.

- Ну, что ж ты хочешь... – отвечал он, – ...между прочим... лауреат областного...

В зале загремели аплодисменты. Лёня встрепенулся, замахал руками и зашипел:

- Внимание! Приготовились! Свечи зажжены? Девочки, вперед!

Факультетская рок-группа «Бигус», обеспечивающая музыкальное сопровождение номеров, заиграла «Хорошо жить на Востоке».

– Пока идет танец со свечами, – шепнул Лёня Свешникову, – выходи на середину сцены. Как дадим свет, начинай работать. Все, ни пуха!..

Если Витя и чувствовал какое-то волнение, то вовсе не из-за предстоящего выступления, больше всего ему хотелось сейчас проверить свои новые способности. Он задумчиво вышел из-за кулис и остановился в темной глубине сцены. Стройные фигуры девушек, освещенные огоньками свечей, плавно двигались в такт мелодии. Танец их был прекрасен, а вот музыка показалась Вите слабоватой. Не то чтобы «Бигус» не умел играть, нет, играли ребята весьма прилично, но чего-то в звуках, издаваемых группой, явно не хватало. Свешников пригляделся к одному из музыкантов, игравшему на небольшом электрооргане. Его лицо, освещенное слабенькой лампочкой, выражало недовольство. Витя вдруг поймал обрывки его мыслей: органист был недоволен своим инструментом, в голове его звучала совсем другая музыка, чистая и многокрасочная, хотя мелодия была та же. Так скрипач, вероятно, слышит скрипку Паганини даже тогда, когда ему приходится играть на какой-нибудь поточной модели, вышедшей из рук мастеров фанерного производства.

«Ах, вот в чем дело!» – подумал Свешников, и в этот момент яркий сноп света ударил ему в глаза.

– У нас в гостях, – раздался усиленный динамиками голос Лёни, – лауреат областного конкурса иллюзионистов Симеон Кр-рохоборский!

Зрители зааплодировали.

- «Ну, что ж, – подумал Витя, – попробуем».

Он взмахнул руками, посылая в пространство облако золотистых искр, и взглянул на музыкантов «Бигуса». Поймавший его взгляд органист изменился в лице, осторожно прикоснулся к клавишам, и заиграл вдруг что-то поразительно знакомое и вместе с тем ни на что не

похожее. Во всяком случае, это было здорово. Девушки, подчиняясь музыке, снова закружились по сцене, но теперь их движения не были похожи на отрепетированный танец. Зрители затаили дыхание. Никто из них не шевельнулся даже тогда, когда все танцовщицы, приблизившись к краю сцены, вдруг прыгнули вперед. Музыка подхватила их и понесла над головами зрителей. По залу пронесся вздох. Танец продолжался в воздухе.

Витя стоял на сцене и старался подхлестнуть свое воображение, пуская разноцветные молнии. Полы его плаща то и дело разлетались в стороны, и под ним был виден черный фрак. Заметив в глубине сцены ящик, Витя прикинул, как бы поэффектней его использовать, затем подошел к нему, откинул крышку и взмахнул плащом. Тотчас поднялся сильный ветер. Он промчался по сцене, проник в музыку и, взметнув ее плавный темп, вихрем закружился по залу. Из ящика посыпались цветы. Подхваченные ветром, они взлетали под потолок, а затем медленно опускались в руки зрителям. Их стали ловить, поднялась веселая кутерьма. Одна девушка, потянувшись за цветами, вдруг взлетела высоко в воздух. Сейчас же все остальные зрители, покинув свои места, принялись кружиться под потолком. Получилось что-то вроде хоровода в невесомости.

В это время в дальнем конце зала открылась дверь, и Свешников увидел Марину. Она вошла и сначала ахнула от удивления и восторга, а затем вдруг оттолкнулась от пола и полетела прямо к сцене. Витя, не дыша, следил за ее полетом. Марина приближалась, улыбаясь и глядя на него, как никогда не глядела ни одна девушка...

Неожиданно в зале погас свет, сейчас же кто-то схватил Свешникова сзади за горло и сорвал с него волшебную чалму. Затем его грубо потащили за кулисы и дальше, в коридор. Здесь было светло, и Витя увидел статные фигуры и суровые лица оперотрядовцев. Тащивший его человек закричал противным высоким голосом:

– Вот он, самозванец! Вот он, пьяный хулиган и ворюга! А Крохоборский – это я!

Он оттолкнул Витю и, вынув из кармана какое-то удостоверение, стал трясти им по очереди перед носом у каждого из оперотрядовцев.

– Вот она, фотография-то! Вот оно, личико! А у этого?

Он снова подскочил к Вите и сорвал с него маску, а потом и плащ.

– Да вы поглядите! Он же в пальте под плащом! Намылился уже, бандит!

– Так, – сказал старший оперотрядовец, строго глядя на Витю. – Кто такой? С какого факультета?

– Да я не то чтобы... – промямлил Свешников, еще не успевший отдышаться, – я случайно... Мимо шел.

– Врет, – выдохнул Крохоборский.

– Одну минуту, – сказал верховный жрец порядка. – Что это там происходит?

Из зала доносились отдельные крики «Браво!» и аплодисменты, большинство зрителей скандировало: «Кро-хо-бор-ский! Кро-хо-бор-ский!»

– Идите, – сказал оперотрядовец Крохоборскому. – Вас зрители ждут. А с этим мы разберемся...

...Выйдя на улицу, Витя подошел к стеклянной стене зала и стал смотреть на сцену. Семен Крохоборский демонстрировал свое искусство. Перед ним на низеньком столике стоял цилиндр, из которого он, самодовольно улыбаясь, давно тащил розовую гирлянду. Зрители вяло хлопали, пожимали плечами и удивленно переглядывались. Кое-кто, скучая, смотрел по сторонам другие поднимались и уходили, но Крохоборскому было не до них. Покончив с гирляндой, он сунул руку в цилиндр и с торжествующим криком «Ап!» вынул за уши смиренного белого кролика...

1984 г.

Складишок

– Ну вот, заблудились, – безжалостно подытожила Юля. – Связалась я с вами, ботаниками! Север от юга отличить не можете!

– А ты можешь? – огрызнулся Валера.

– Я – женщина, – Юля высокомерно перешагнула через поваленный березовый ствол, – у меня другие функции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.